
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Александр ОВСЯННИКОВ

«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Если есть «Троица» Рублева — значит, есть Бог.

Павел Флоренский

В начале 90-х был я в Москве и вновь навесил любимую Третьяковку, на сей раз с определенной целью — приблизиться к пониманию «Троицы», удивиться ее красоте. Ранее читал, что «Троица» Андрея Рублева по своей культурной значимости равна «Джоконде» Леонардо да Винчи. Когда бываю в Москве, душа моя стремится в знакомые залы к родным шедеврам, тянет, словно в места, где провел детство или встретил первую любовь. Впечатления детства и воспринятая культура определяют судьбу, создают личность и, значит, отношение к людям, труду, природе, Богу. Без культуры невозможно построить ни хорошую биографию, ни достойное государство, как невозможно идти по незнакомой дороге в темноте ночи без света.

Вот она, рублевская «Троица». Сутуловатые, вытянутые фигуры с застывшим, трудноопределимым выражением неземного спокойствия. Никакого восторга, ощущения красоты и радости я не испытал, даже несколько разочарованный, в течение трех часов все возвращался к иконе из других залов музея и смотрел на нее с разных расстояний и углов. Почти ничего не менялось, тот же вечный покой на лицах Троицы, только более стали заметны цвета: синий, золотой, зеленый. «Как же так, — я думал, — ведь считаю себя довольно продвинутым ценителем красоты в искусстве, а никаких чувств не испытываю?» Надо сказать, что я пришел к иконе почти неподготовленный, не знал, кто они, эти три таинственных ангела, что означает чаша сия на столе? Не знал притчи Ветхого Завета об Аврааме, увы, не читал исследовательской литературы об иконописи. Ожидал я от иконы художественного впечатления, как от картин, которые я люблю без оригинальности, поскольку они давно уж знамениты: это «Портрет Лопухиной» Боровиковского, «Грачи прилетели» Саврасова, «Московский дворик» Поленова «Март» Левитана, «Девочка с персиками» Серова. В этих картинах свет особый, от которого они «играют» жизнью, красотой, естественностью, в них

Александр Иванович Овсянников родился в 1957 году в Новосибирске. Окончил военно-медицинский факультет при Томском медицинском институте. Служил военным врачом на Дальнем Востоке и Псковской области. Подполковник медицинской службы запаса. Ранее не публиковался. Живет в Томске.

радость земная понятно указана и подсказка ясна о гармонии высшей. Видел ранее фильм Тарковского «Андрей Рублев», листал статьи в газетах о «Троице» — это мало, конечно, но счастливый дар моей жизни узнавать красоту и радоваться ей не подвел меня и на сей раз. Я узнал прекрасное и «упился, как Пушкин». «Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь».

Может, я был подготовлен обилием музейных впечатлений, усталостью и надеждой влюбиться в шедевр, но когда в очередной раз я подошел к «Троице» и смотрел на нее долгим, покорным, ожидающим взором, вдруг будто током ударило, и душа открылась неведомому, и полился от иконы неземной, удивляющий, всеобъемлющий свет. Свет этот глазу приятен, и сердце радостью ликует. То же настроение возникает на Пасху, когда верующие приветствуют друг друга, восклицая: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» А те, кто не считает себя верующими, весело бьются золотистыми или расписными пасхальными яйцами, пьют праздничную чарку, вкушают пышный и вкусный кулич. Ярко и блаженно торжествует весенняя природа, влажный, нежный воздух прозрачен и лучист — не надьшишься им, и хоть пей его. Ветрено и шумно. Трезвонят церковные колокола, и на лицах встречаемых праздничных людей это тихое благодарное сияние.

С тех пор я смотрю на «Троицу» Рублева с восхищением, почтительно и с боязнью, потому что божий свет в ней увидел.

Создал Мастер Андрей этот шедевр иконописи в 1422—1427 годах, и прошло много лет, краски поблекли, местами отвалились от основы, но как же воздействовала она на верующих в своей новизне, когда я, человек малорелигиозный, очарован ее красотой и убедительностью веры сейчас, через шесть веков! Почему же «Троица» Рублева так сильно впечатляет, потрясает как чудо? Потому, что она действует на всех уровнях восприятия. Сидящие за столом ангелы объединены в круг. Круг — символ совершенства. В иконе много яркого синего, золотого, зеленого цветов. Золотой цвет — это солнце, синий — цвет главных стихий: неба и моря, зелень — это щедрость матушки Земли. Линии фигур волнообразны, гармоничны, ритмично повторяемы, как высокая музыка. В основе восторженного и благодатного умиления иконой самое простое и чудесное — сияющее солнце, лазурное небо, синее море, живая зелень. В этом благодарность Творцу за дарованную жизнь и красоту природы. Три ангела — Бог-Отец, Бог-Сын Христос и Бог-Дух Святой — означают мир, любовь и согласие, необходимые каждому человеку для счастья, и являются триединым условием для процветания человеческой цивилизации. Чаша предназначена Христу для свершения миссии, сознательной, мучительной. И эта Жертва ради извечно блуждающих людей, для нашего, твоего и моего Спасения.

«Троица» создана на основе библейского сюжета «Гостеприимство Авраама». Жил старик Авраам со своею старухой Саррой, они были бездетны. Однажды к ним пришли три таинственных странника, и Авраам узрел в них Бога. Авраам «поклонился им до земли», предложил кров и пищу, зарезал тельца. Во время трапезы странники-ангелы предрекли Аврааму чудесное рождение сына Исаака, от которого произойдет народ «великий и сильный», в котором «благословятся... все народы земли». Далее один странник-ангел остался беседовать с Авраамом, а двое других отправились в Содом и Гоморру, потому что люди этих городов отринули совесть, стали порочны, погрязли в распутстве. Два странника-ангела остановились в Содоме у праведного Лота, а вечером мужчины всего города пришли к Лоту требовать его гостей-странников, чтобы «познать их», но Лот им ответил отказом и предложил взамен двух своих девственных дочерей. Содомяне отвергли это условие и продолжили проявлять похоть и агрессию уже к самому Лоту, тогда странники-ангелы ослепили насильников и со-

жгли Содом и Гоморру «небесным огнем». Спасся только Лот с двумя дочерьми. Через год обетование ангелов исполнилось — родился сын Исаак, несмотря на то, что Аврааму было 100 лет, а Саре 90 и она была всю жизнь бесплодна. Смысл библейского сказания об Аврааме и иконы «Троица» в том, что для Бога невозможного нет.

Икона проста, лаконична, но в ней каждая деталь: гора, дом, дерево, посох, окошечко престола — символичны и полны религиозного, мистического и философского смысла. И кто приходит к иконе «Троица», тот занимает четвертую сторону стола безмолвно беседующих ангелов и становится их вопрошающим собеседником. Линии от подножия престола сходятся фокусом в сердце смотрящего на икону, а от иконы линии уходят в бесконечность, космос, неведомые миры, и потому это дорога к Богу. Эти линии в живописи называются обратной перспективой (они так же важны, как принцип «золотого сечения»), и знание о них делает понятной притягательность шедевров, которые я люблю, потому что в них есть и свет, и путь, — земная радость сочетается с небесным покоем, жизнь является мигом и вечностью.

Когда вдохновишься красотой «Троицы» и уяснишь значение ее, то отношение к страшному «Черному квадрату» Малевича определяется четко и с неприязнью. Без лавины слов — это просто антиикона, предмет поклонения Князю Тьмы. Посмотрел в справочники — точно. Предварительные рисунки назывались «Победа над солнцем». Малевич комментировал свою работу постоянно и однозначно: «Основной супрематический элемент. Квадрат. 1913». На выставке в Петербурге в декабре 1915 года под названием «0,10» в «красном углу» помещения, где в русских домах обычно размещают иконы, висел «Черный квадрат». Художник угадал приход большевиков-безбожников и — по многим делам их — сатанистов.

Два самых сильных впечатления моей жизни — это «Большая месса» Иоганна Себастьяна Баха и «Троица» Андрея Рублева, но они различаются настроением так же, как европейские готические соборы не похожи на православные храмы. Первые в большинстве своем величественные, мрачноватые, подавляющие человека, указующие на его греховность и тщету земной жизни. Русские православные храмы светлы, как березы, и радостны, как Воскресение. Они удивительно сочетаются с природой, и нет других людских строений, столь же гармоничных с русским пейзажем: полем, рекой, лесом — в любое время года. Красота храма и природы едина, потому что Бог проявляет себя в природе и красоте. Хороши наши церкви и для городского ландшафта, здесь они словно останавливают суету, заставляя одуматься и поклониться прекрасному, непостижимому. Множество храмов красуется в городах и весях, бодро и кротко глядят они своими луковичными куполами в синее небо России, оберегая ее от напастей. И облик их так совершенен, что похожи они на космические корабли-странники во Вселенной, свободные путешествовать во всех временах и пространствах. Любуешься дивной их красотой, и кажется, что сей храм вот-вот легко, тихо и безвредно поднимется, воспарит над грешной, милой землей, замрет в лучистом воздухе, будто кратко прощаясь и благословляя, засияет и вмиг улетит в неведомые миры.

Не исчезай, краса земная — чудесная!
Не покидай, душа небесная!